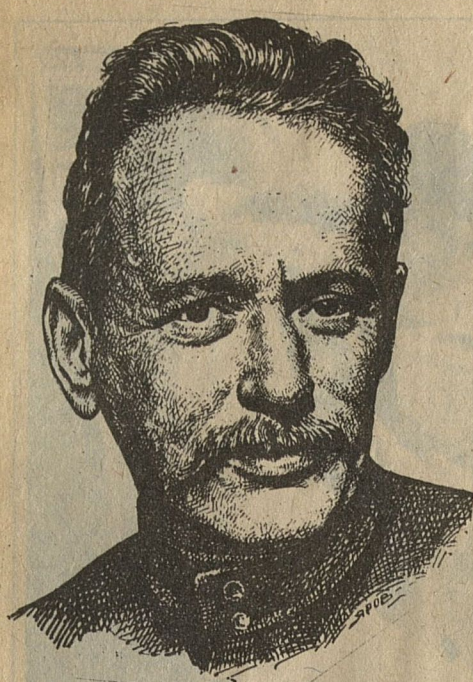

Вешенские встречи

Сегодня Михаилу Александровичу Шолохову исполнилось бы 80 лет. Почти год его нет среди нас, но произведения великого писателя всегда с нами. Им суждена вечная жизнь.

В этом номере газеты мы рассказываем о встречах наших современников с М. А. Шолоховым.

ЖИВЕТ В ПАМЯТИ

Народный артист СССР, кавалер ордена Ленина **Петр ГЛЕБОВ**

ПРОШЛО почти тридцать лет, но и сейчас жива в памяти первая встреча с Шолоховым осенью 1956 года. Это было в паводе Москва — Ростов. Группа наших артистов ехала в донскую станицу Каменскую, которую, мы знали, сам Михаил Александрович, да еще расположенный от нее поблизости хутор Диченский, подсказал режиссеру С. Герасимову как наиболее подходящее место для натурных съемок фильма «Тихий Дон».

И вот оказалось, что этим же поездом Шолохов возвращался к себе домой, в Вешенскую. Так в одном из вагонов состоялось наше с ним знакомство. Оно оказалось очень теплым и непринужденным. Стройный, подтянутый, с уже седяющей головой, Шолохов сразу же пленил всех нас своим человеческим обаянием, доброжелательностью, юмором. До сих пор словно ощущаю его крепкое, сердечное рукопожатие. Завязалась непринужденная беседа. Ну и мы, артисты, конечно же, решили воспользоваться случайной возможностью и стали словно бы невзначай расспрашивать писателя, как, мол, ему видятся на экране герои будущего фильма. Шолохов, лукаво улыбаясь, решительно заявил: «Мое дело было написать, ваше — сыграть. Режиссеру я верю, а от меня никаких напутствий не ждите. Сами до всего дойдете».

Оно, по существу, было и верным. Автор с присущим ему чувством глубокого такта полностью отказался от мелкой опеки над съемочным коллективом. Все, что считалось важным и нужным, им было сказано режиссеру С. Герасимову в процессе работы над сценарием. Дальше кинематографистам предоставлялся полный простор для самостоятельного творчества. А главное, у каждого из нас, артистов, был не только в руках, но, можно сказать, и в сердце сам роман «Тихий Дон». В любой его строке, фразе заключалась та глубина, тот доскональный авторский подтекст, что раскрывал перед нами неповторимые характеры, сложнейший внутренний мир и Григория, и Пантелея Мелехова, и Аксиньи, и Кошова, и Натальи, и всех других персонажей бессмертной книги.

Меня часто спрашивали во время творческих встреч с кинозрителями, как мне, профессио-

нальному артисту, горожанину, казалось бы, далекому от гущи народной, особенно сельской жизни, удалось постичь характер Григория Мелехова, передать не только его внешнее обличье, но и типические черты уроженца казачьей станицы, исконного хлебороба, бывалого фронтовика.

Тут, несомненно, сказались и факты личной моей биографии. Родился я действительно в Москве. Но все детство и отрочество прошли в подмосковной деревне Дарьино, неподалеку от станции Жаворонки, что в нынешнем Одинцовском районе. До пятнадцати лет занимался вместе со взрослыми нелегким крестьянским трудом: пахал, боронил, косил клевера, скакал на неоседланных конях в ночное... А в погожие весенние вечера ходил по деревне с гармошкой, распевая удалые подмосковные частушки...

Так что с этой стороны соответствующая «закваска» вроде бы забродила в душе с юных лет. Все крестьянское навсегда стало кровным, дорогим. Поэтому, видимо, и житейские заботы донских станичников оказались мне понятными и близкими.

Ну, а что касается военного прошлого моего Григория, то и меня самого судьба не обошла горьким опытом. Всю Великую Отечественную прослу-

жил артиллеристом в зенитной батарее.

И все это, может быть, и определило то, что, просмотрев мои первые кинопробы, Михаил Александрович сказал режиссеру Герасимову: «Это и есть донской казак! Чувствует Глебов станичную душу».

С таким добрым напутствием Шолохова можно было начинать работать.

Много раз доводилось мне в дальнейшем присутствовать в маленьком просмотровом зале студии имени М. Горького, когда киногруппа показывала Шолохову очередные партии отснятого материала. С волнением замечал я, как в какие-то моменты, в частности в сцене похорон Аксиньи, Михаил Александрович смахивал с глаз набегавшие слезы.

Прошло полтора года, и мы привезли в Вешенскую для показа Шолохову все три готовые серии «Тихого Дона». Радушно и гостеприимно разместили нас Михаил Александрович в своем доме. Заботливо слепил, чтобы всем нам жилось удобно и непринужденно. Мне даже дал свое ружье, чтобы я мог поохотиться в его любимых местах. И тут же в вешенском Доме культуры начались общественные просмотры новой картины. Из-за Дона, из соседних станиц съезжались казаки целыми семьями. Сеансы проводились один за другим три дня подряд с утра до глубокой ночи. Тысячи людей просмотрели картину «Тихий Дон», и чувствовалось, что горячий интерес, который она вызвала у зрителей, был очень дорог Шолохову.

ВРЕМЕНИ НЕ ПОДВЛАСТЕН

Писатель **Николай ПЛЕВАКО**

человека в брюках навыпуск, в безрукавке, чуть ли не юншу. Он поворотно подбирал сухие ветки под деревьями и сносил в кучу на край сада. Неужели это Шолохов?

Вечером, сидя в кабинете второго секретаря райкома партии, который куда-то на минуту отлучился, я поднял трубку звонившего телефона и услышал бодрый, почти мальчишеский голос:

— Говорит Шолохов! Кто у телефона?

Я назвался.

— Ах, вон как! Новый собкор! Будем знакомы. Ну, как Вешенская? Понравилась?

Я хотел было сказать, что уже бывал здесь до войны, что Шолохов должен знать моего отчима, которому в свое время оказал большую поддержку на службе, но посчитал это излишним.

— Осматривайся, прививайся. Вот потеплеет — съездим на рыбалку!

В кабинет вошел отлучившийся секретарь, и я передал ему трубку. Шолохов поделился своими впечатлениями от колхозного отчетно-выборного собрания, на котором присутствовал.

Как-то мне позвонили из редакции и попросили снять Шолохова для агитационного листка: предстояли выборы в местные Советы.

Секретарь райкома Сетраков, с которым я пришел к Шолохову, просто, непринужденно говорил о районных делах. Я же никак не мог избавиться от скованности и злился на себя за это, однако продолжал волноваться, почему-то торопился при установке фотоаппарата, выдвигая штатив «хромал» то на одну, то на другую ногу. Наконец Шолохов попал в объектив.

Во время беседы я перебрал несколько рукописей и книг из последней почты. Тут было английское сокращенное издание романа «Тихий Дон» и японское «Поднятая целина».

Бло несколько книг с автографами авторов, но больше рукописей. Прямо-таки гора. Секретаря тогда у Шолохова не было.

Я вызвался помочь, взять к себе домой некоторые рукописи, прочитать и потом сообщить

об их достоинствах и недостатках. Шолохов с готовностью отдал хозяину дома.

Я добросовестно прочитал рукописи, написал небольшие рецензии и сообщил об этом Шолохову по телефону.

— Ну, что ты там написал! — воскликнул он. — Приходи, расскажешь устно, есть ли что хорошего.

— Когда прийти?

— Приходи завтра в восемь утра.

Я немного опоздал и уже не застал хозяина дома. В чем дело? Я знал, что многие писатели — Горький, Чехов, Толстой — работали с утра. Оказывалось, и Шолохов предпочитал для работы утро, но вставал очень рано, в четыре, как доярки. Эта привычка вставать спозаранку осталась у него с детства.

— Те же доярки идут на дойку и заходят к депутату со своими нуждами. Как тут не вставать рано? — говорил Шолохов, когда мы наконец встретились.

В то время он жил скучновато, ничего нового не печатал, задолжал издательствам и усиленно работал над второй книгой «Поднятая целина». (Она была написана еще до войны, но рукопись потерялась, и все пришлось восстанавливать по памяти). Было материально туговато, в чем он как-то мне признался: «Приехал домой с войны, а на сберкнижке всего-навсего триста рублей. За них тогда и пухляк купить».

Вот снова Вешенская.

Она очень изменилась. Каменная набережная, асфальтированные улицы и центральная площадь, новые магазины, дворец культуры, кинотеатр с неоновой вывеской. По району хорошие дороги. И до Миллерово, железнодорожной станции, — уже давно асфальтовое шоссе. Мы побывали в станице Каргинской, в деревенной школе, где учился писатель. Теперь там общежитие, а неподалеку построена двухэтажная кирпичная городского типа школа. На ее строительство Шолохов отдал всю Ленинскую премию, полученную за вторую книгу «Поднятая целина».

В хуторе Крукино мы увидели саманную крытую камышом хату, в которой родился Шолохов.

В тот же день мы вернулись в Вешенскую. Встретились с

Тепло благодарил Михаил Александрович съемочный коллектив за его работу, вручил всем сувениры, а артистам Э. Быстрицкой, З. Кирienko и Л. Хитяевой подарил чудесные шерстяные шали.

Спустя несколько лет мне довелось участвовать и в экранизации шолоховского романа «Поднятая целина». Великолепный образ Давыдова создал в ней артист МХАТа Петр Чернов. Мне же досталась роль сугубо отрицательного персонажа — белогвардейца Половцева.

Три года назад, когда торжественно отмечалось пятидесятилетие выхода в свет первой части «Поднятой целины», мы с Черновым были приглашены Шолоховым в Вешенскую.

Той стати, что привлекала в прежние годы в Михаиле Александровиче, понятно, поубавилось. Вроде бы и ростом стал поменьше, и голова совсем побелела. Но по-прежнему мудро, проникновенно, с огромной заинтересованностью в судьбах родного народа звучали его слова. И по-прежнему добрыми, отзывчивыми были его глаза.

Это была последняя моя встреча с любимым писателем, давшим мне эстафету в большое искусство. Так завершили мои «донские университеты». Бережно храню я как память об этой последней встрече подаренную мне Шолоховым книгу «Тихий Дон» с теплой авторской надписью Михаила Александровича.

Записал **А. АМАСОВИЧ**.

На снимке: артисты **П. ГЛЕБОВ** (слева) и **П. ЧЕРНОВ** в гостях у Михаила Александровича ШОЛОХОВА. Вешенская, 1982 год.

Шолоховым в восемь утра, как условились по телефону. Направляясь к нему, я думал, что буду держаться свободно, что прежняя скованность была от молодости, но и теперь почему-то стеснялся и весь разговор переложил на моего спутника, писателя Мстислава Левашова, который, кстати, готовился к нему и даже на листке набросал вопросы, но во время беседы ни разу ими не воспользовался.

Шолохов был одет в серую, простого покрою, с накладными карманами, свободную тужурку и такие же брюки. Поразило меня, как сильно он изменился: сухощавый старик, низенький, с рыжими усами, которые он время от времени покручивал и в которые улыбался, отвечая на какой-нибудь вопрос.

Мстислав Левашов спросил Шолохова, над чем он сейчас работает. Шолохов сказал, что над первой книгой «Они сражались за Родину».

— Роман я начал писать еще на фронте, — рассказывал Шолохов. — Это было в 1943 году. Начал с середины, собственно, с туловища, а головы еще не было. Вот теперь я занят портняжным мастерством — пришиваю к туловищу голову, пишу главы о предвоенных годах. И оказалось, что это намного сложнее, чем писать о войне, потому что там все привычно, записи сохранились, своих наблюдений фронтовых масса. Но трудность не только в предвоенных годах. Обилие фактического материала о войне заставляет вновь и вновь возвращаться к уже написанному, дополнять, обогащать его. Не хочется упустить что-то важное.

Я все время хотел напомнить Шолохову о лете 38-го года, как-то заронить в его душу теплый уголек и, прощаясь, сказал:

— А помните, Михаил Александрович, в тридцать восьмом году летом вы были одеты в полотнобрюки и сетчатую майку, а на ногах чирки...

Шолохов обернулся ко мне, улыбаясь.

— Было, было. По-всякому одевались.

Получилось наивно, как почему-то у меня всегда получалось с Шолоховым. Но напоминание о газетной статье «Салы на песках», опубликованной мною в 50-х годах, которую до сих пор помнили вешенцы, вызвало у него теплоту в глазах. Он сказал:

— Да, тогда были сплошные пески. Никто не верил, что тут может что-нибудь толковое родиться. А теперь Вешенская — сплошной саль!

ПРОШЕЛ год со дня его кончины. Но и сейчас, и в наши дни, когда не изменяет, и время, которое отделило нас от великого Шолохова, убеждает все больше в том, что он по-прежнему живет в нас, в своих прекрасных произведениях.